

Находясь снаружи императорской палатки, Цю Лань и остальные слуги слышали мучительно-сладкие стоны, которые неоднократно срывались с уст Фэн Мина. Эти развратные звуки, словно небесная свирель, волновали чувства, и хоть слуги уже давно привыкли их слышать, однако всё ещё не могли сдержаться и не покраснеть, трепеща. Прождав около часа, Цю Юэ, зевая, проговорила:

— Государь знает, что князь Мин слаб, и не станет мучить его слишком долго. Я с Цю Син пойду приготовлю горячую воду для мытья. — И, взяв близняшку, отправилась исполнять задуманное.

Цю Лань, оставшись в одиночестве стоять снаружи, услышала сзади лёгкий шум, словно кто-то ступал по траве, и обернулась посмотреть.

Подошедшая сзади Цай Цин с изумлением проговорила:

— Только старшая сестрица стоит на страже? Когда все ушли, почему не позвала меня?

— Цю Син и Цю Юэ отправились готовить воду для мытья. — Цю Лань посмотрела на Цай Цин:
— А где Цай Цян?

— Заснул. Этого ребёнка так тяжело убаюкивать. — Служанка, чувствуя неловкость, сказала:
— Из-за него я задержалась и не смогла поухаживать за князем Мином, позволяя старшим сёстрам тяжело трудиться.

Цю Лань снова взглянула на девушку. Хоть сама она, Цю Лань, уже давно прислуживала князю Мину, однако в её глазах не было и шелковинки надменности, наоборот, в них таился страх, казалось, прежде чем попасть во дворец, над служанкой часто издевались. На слова Цай Цин Цю Лань слегка улыбнулась и мягко проговорила:

— Цай Цян послушный ребёнок.

Однако сама Цай Цин казалась беспокойной, она то и дело вытягивала шею, чтобы заглянуть в палатку.

— В чём дело?

— Ни в чём, — девушка опустила голову, но спустя долгое время подняла её и тихо спросила:
— Старшая сестрица Цю Лань, князь Мин немного проехал на лошади и после этого стал жаловаться на боль в пояснице. Он такой молодой мужчина, как могло случиться, что его тело стало слабым?

На что Цю Лань вздохнула и со скорбным выражением лица добавила:

— После того как вернулись с реки Оман, здоровье князя Мина значительно ослабло. Кажется, что сейчас ему немного лучше, однако на самом деле его жизненный дух ещё не восстановился, потому любая небольшая нагрузка сильно выматывает князя Мина. Совсем не кстати характер князя Мина беспокойный, иногда мы действительно не знаем, что с этим делать.

Высказав тайные заботы, девушка умолкла. Спустя долгое время Цай Цин, слегка прикусив нижнюю губу, проронила:

— Князь Мин... Он, кажется...

Не сказав и половину слов, девушки подняли головы, а в палатке стоны уже стихли. Как раз вернулись Цю Юэ и Цю Син и шёпотом спросили:

— Закончили?

— Угу.

Цю Юэ, подойдя к шторке палатки, весьма почтенно проговорила:

— Всё готово для купания. Ваши служанки могут войти и поухаживать?

Вскоре до их слуха донёсся ленивый голос Жун Тяня:

— Входите.

— Скорее...

Цю Юэ, командуя, приказала шестерым охранникам взять очень огромную бочку и внести её в палатку, за ними следом вошли ещё десять охранников, неся горячую воду, от которой исходил пар. Большая палатка Жун Тяня изменилась, словно превратившись в небольшой берег водоёма, над которым витало облако тумана.

Охранники удалились, только тогда мужчина с осторожностью поднял прячущегося в одеяле Фэн Мина, чьи силы окончательно иссякли, и погрузил в тёплую воду.

Четыре приближённые служанки подошли, чтобы помочь Жун Тяню раздеться, а после, помассировав его тело, стали поливать из черпака и мыли, используя специальные благовония. К Фэн Мину же девушки не прикасались, так как забота о князе Мине принадлежала исключительно Его Величеству.

Сонный юноша, оказавшись в тёплой воде и почувствовав приятную лёгкую непринуждённость, невольно открыл глаза и, немного потянувшись, пробормотал:

— Рассвело?

— Ещё нет. — Губы Жун Тяня внезапно прижались к Фэн Мину, и, воспользовавшись случаем, мужчина вобрал его медовую сладость.

— М-м...

— Ты устал, поспи, — раздался в ухе глубокий голос, сопровождаемый привычным лёгким поцелуем.

— Жун Тянь...

— Я здесь.

— Поможешь мне помыться?

— Конечно.

Подняв ленивый взгляд, словно милый котёнок, Фэн Мин невнятно произнёс:

— Я тоже хочу помочь тебе помыться.

Внезапно нежные, словно росток, женские руки, что массировали спину Жун Тяня, остановились, а сами девушки обменялись растерянными взглядами.

На красивом лице мужчины появилась сексуальная улыбка, а голос стал слегка хриплым:

— Ты сможешь мне мыться?

— Да.

— Правда?

Рассеянный Фэн Мин сладко улыбнулся мужчине:

— Конечно правда.

Действительно, крайне соблазнительно. Жун Тянь стиснул зубы, в конечном счёте позволяя разуму победить желание, и нежно погладил лицо Фэн Мина:

— Скорее спать, ведь завтра ты вновь с шумом потребуешь прокатиться верхом и погулять. Если не будешь бодрым, то как сможешь прогуляться? Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы ты потерял лицо из-за тёмных кругов под глазами. Посмотри на себя, ты устал и рассеян. — И мужчина любя прижался к горячей и порозовевшей от тёплой воды щеке Фэн Мина.

— Кто устал и рассеян? Я совершенно не рассеян. — Разомлевший Фэн Мин, находясь в объятиях Жун Тяня, приподнялся, его глаза действительно были слегка ясными. — Иди сюда, позволь мне помочь тебе помыться. Ты столько раз помогал мне мыться, и каждый раз я, удовлетворённый, засыпал, воспользовавшись случаем. Так не пойдёт, на этот раз мой черёд. Цю Лань, подай мне тряпку для обтирания.

Разве могла девушка осмелиться помешать императору насладиться такой редкой и добровольной инициативой князя Мина, конечно же, нет, и потому покорно подала тряпку Фэн Мину.

— Я хочу помыть это место.

— М...

— Очень больно?

— Нет... — Жун Тянь нахмурился: — Чешется очень.

— Чешется? Как может чесаться? — недоумевал Фэн Мин и ещё раз с силой потёр спину Жун Тяня. — А так?

— Ты посреди ночи проснулся ради того, чтобы мучить меня?

— Не преувеличивай! Разве этот князь Мин не помогает тебе мыться? Скажи, где чешется, я снова там потру, и всё.

— ...Я испытываю сердечный зуд [1].

Четыре служанки подмигнули друг другу и, сведя брови, поклонились:

— Позвольте вашим служанкам удалиться. — Девушки одна за другой вышли на улицу и невольно улынулись.

Стоящие снаружи слуги вновь прождали больше часа, все начали уже зевать. Цю Лань проговорила:

— Цай Цин, иди отдохни, а я с Цю Юэ и остальными немного поочерёдно вздремнём, находясь рядом с государем и князем Мином.

Цю Юэ кивнула, говоря:

— Верно, иначе Цай Цян проснётся и начнёт плакать. Ах, было бы хорошо, окажись здесь Жун Ху или Ле-эр, они остались бы на посту, а когда пришло время, они тотчас сообщили бы нам.

С этими словами служанки услышали крик из палатки:

— Эй, кто-нибудь, сюда!

Четыре служанки тотчас же вошли. Волосы Фэн Мина находились в беспорядке, а сам юноша лениво опирался на подложенную подушку, на тело был небрежно наброшен лишь халат, очевидно, что юноша вновь подвергся страстному натиску распутного Жун Тяня, однако румяное лицо не только не выглядело усталым, казалось, сам князь всё ещё сохранял присутствие духа.

— На улице нет ливня?

— Докладываем князю Мину: ливня нет.

— Звёзды вышли?

Но ответа не последовало, а Цю Юэ и другие служанки лишь посмотрели друг на друга.

— Звёзды вышли?

— Вышли.

— Красиво?

— Красиво.

— Помогите мне переодеться. — И Фэн Мин с огромным воодушевлением добавил: — На небе звёзды очень красивые, к тому же сейчас нет облаков, должно быть, необычайно живописно. Обычно нет свободного времени, поэтому сейчас, пока я не сплю, нужно обязательно пойти и понаслаждаться ночным небом, — говорил юноша снова и снова, впопыхах переодеваясь.

На что Жун Тянь, нахмурив брови, сказал:

— Ты не устал? Завтра...

— Во всяком случае, нужно подождать возвращения Жун Ху, так что завтра незачем отправляться в путь. Если устану, то отосплюсь за день. — Фэн Мин пристально посмотрел на Жун Тяня: — Не следует называть меня ребёнком, ты тоже пойдёшь и составишь мне компанию.

Глядя на его крайне бодрое настроение, мужчина не посмел идти наперекор желаниям любимого и, кивнув, проговорил:

— Хочешь полюбоваться звёздами, тогда идём.

Получив разрешение императора Силэй, Цю Лань и остальные служанки помогли Фэн Мину переодеться.

Хоть это и являлось любованием звёзд, однако стоило двум мужчинам выйти, как множество охранников тотчас же встревожились.

— Мы идём туда смотреть, — Фэн Мин отдал приказ, заставляя конный отряд двинуться с места.

Добравшись до указанного места, слуги тотчас же расстелили на земле парчовую накидку, сидя на которой государь и князь Мин могли любоваться звёздами. Около сотни охранников, взяв их в кольцо и обратившись спиной, окружили двоих возлюбленных.

Цю Лань и другие служанки, конечно же, оказались в кругу и, достав из короба отличного вина и закусок, которые принесли с собой, разложили на парчовой накидке, позволяя государю и князю Мину когда угодно полакомиться вкусностями.

Фэн Мин, раскинув руки и ноги, лёг на ткань и, глядя на звёзды, которые своим сиянием не шли ни в какое сравнение с его блестящими глазами, воскликнул:

— Действительно, звёзды, что украшают небо древних династий, очень яркие. Завтра наверняка будет солнечный день, так как небо безоблачное и звёзды такие яркие. А раз нет облаков, то и дождя не предвидится.

— Правда? — Изучающе посмотрев на юношу, Жун Тянь прилёг. — Каждая звезда — небесные духи [2], если в ночном небе звёзды светят особенно ярко, то это небесные духи открыли глаза.

— Угу, они открыли глаза и увидели самого талантливого императора, которого редко

встретишь в истории.

— Нет. — Жун Тянь повернулся, расставил руки с обеих сторон от Фэн Мина и, глядя на юношу сверху вниз, мягко проговорил: — Они увидели двух очень счастливых возлюбленных.

Подул лёгкий ветерок. Очертания гор в сиянии звёзд выглядели ещё более величественными. А в тишине природы можно было услышать сердцебиение друг друга.

Фэн Мин, покрасневшись, внезапно отвернулся и голосом, который ничем не уступал пisku комара, сказал:

— Тогда пусть небесные духи увидят, как мы любим друг друга.

Жун Тянь остолбенел.

На что юноша бросил неловкий взгляд на него:

— Сегодня... внезапно мне очень захотелось всласть насладиться твоими объятиями. — Князь добровольно вытянул руки и, обняв Жун Тяня за шею, безжалостно укусил его в плечо. — Сколько бы раз ни обнимал тебя, это не имеет значения. — Слова были волнительными и полными обольщения.

— Фэн Мин...

В дыхании северного ветра, лёжа на равнине с пожелтевшей от осени травой, два силуэта слились в единое целое, источая сладкое благоухание.

Песнь любви достигала звёзд, тихо закрывая им глаза, а туманный блеск с неба проникал на землю.

Цю Лань, обнимая колени и сидя на осенней траве, прижималась спиной к спине Цю Юэ и, вяло зевая, невнятно проговорила:

— Светает.

— Провели одну ночь, а спина уже болит... — расслабив тело, Цю Син хмуро вздохнула, словно её спину скрутило.

— Составлять компанию нам, пока мы любуемся звёздами, это и впрямь затруднительно для вас. — Над головой возникло лицо, растягивая губы в ласковой и приятной улыбке, а в глубине чёрных, как уголёк, глаз таилась необыкновенная таинственность. Обратившись с улыбкой к

девушкам, князь вновь обернулся и отдал приказ стоящим в стороне охранникам: — Где Байюнь? Приведите его сюда, я хочу сегодня прокатиться на нём вдоль берега, чтобы ощутить вкус осенней конной прогулки.

Жун Тянь выразительно взглянул, останавливая охрану, и с недоверием спросил:

— Фэн Мин, ты... не устал?

— Не устал, — очень радостно рассмеялся Фэн Мин. — Возможно, это из-за особого климата Юнъянь, ведь после войны на реке Оман я никогда не испытывал такой бодрости, кажется, что моё тело переполняет нескончаемая энергия. Скорее, приведите сюда Байюня, я хочу прокатиться на нём.

— Князь Мин, — Цю Лань подошла к Фэн Мину и внимательно вгляделась в его лицо: действительно, сейчас не было похоже, что его душа с трудом держится в теле, глаза горели воодушевлением и были несколько живыми, словно серебряный ручеёк. Немного поколебавшись, Цю Лань с осторожностью посоветовала: — Если князю Мину хочется покататься, то нужно чего-нибудь перекусить. Может сначала лучше вернуться в лагерь?

— Ах, ты сейчас напомнила, я и впрямь немного проголодался. — Фэн Мин погладил живот, и, кивнув, проговорил: — Ну ладно, пойдём позавтракаем. Цю Лань, я хочу вновь отведать такую же курочку, которую ты готовила вчера на ужин. — и с нахальным видом юноша посмотрел на служанку.

— Хорошо.

Вся компания, оседлав коней, отправилась в лагерь. Находясь в отличном расположении духа, юноша по дороге непрерывно указывал на пейзажи и разговаривал с Жун Тянем.

Цю Юэ потянула поводья, позволяя пропустить Цю Лань и присоединившись к ней, шёпотом проговорила:

— Отчего-то тревожно на душе [3]. Как по твоему, что сегодня с князем Мином?

— Раньше тело князя Мина было крайне болезненным, сейчас же князь Мин вновь безобразничает и не хочет отдыхать. Как такое возможно? — Цю Лань посмотрела на силуэт Фэн Мина, который прижимался к Жун Тяню, и, стиснув зубы, проговорила: — Когда вернёмся в лагерь, я сразу же зажгу успокаивающие благовония. Ты подашь ему чай с листьями сонного растения, когда же князь Мин уснёт, позовём Сун Тэна, чтобы он осмотрел его.

— Я тоже так подумала. Посмотри на намерения государя, видно, что он тоже хочет найти способ успокоить и заставить князя Мина уснуть.

Пока девушки советовались, вдали показался лагерь.

Сдержав голову лошади, Жун Тянь хотел взять Фэн Мина на руки и помочь тому спешиться, однако князь с огромным воодушевлением сказал:

— Не нужно, глянь на меня. — шустро повернувшись, юноша с помощью утончённых до крайности манер уверенно спустился на землю, вызывая одобрительные возгласы следовавших сзади охранников.

Жун Тянь покачал головой, с бессилием сетуя:

— А если бы случайно растянул ногу, что тогда?

Когда они уже собирались войти в лагерь, то внезапно почувствовали дурной и в тоже время странный запах.

— Государь, — спешно подбежал придворный евнух, в лице которого не было ни кровинки, и, опустившись на колени, с осторожностью проговорил: — Докладываю государю: верховный маг Сун Тэн, с ним... случилось несчастье. — в словах чувствовался страх.

Стоящие впереди люди, услышав эту новость, неожиданно вздрогнули.

Жун Тянь резко свёл густые брови к переносице и, понизив тон, спросил:

— Что случилось?

— Ваш слуга тоже не знает, что случилось. Обычно с рассветом верховный маг сразу же приказывал подавать завтрак, однако сегодня он этого не сделал, и Ваш слуга, набравшись смелости [4], пошёл посмотреть, в результате нашёл верховного мага уже... уже бездыханным.

— Бездыханным? Кто-то проник к нему или отравил его? Кто вчера вечером прислуживал ему?

Услышав строгий вопрос Жун Тяня, придворный евнух, дрожа от страха, всё так же стоя на коленях и проронил:

— С верховным магом вчера всё было хорошо, и ничего странного не происходило. Вечером, как и всегда, он хотел заняться совершенствованием и плавкой [5] и строго запретил кому-либо тревожить его, поэтому Ваш слуга лично подал ужин и после трапезы больше не входил к нему. Государь, прошу простить, вчера верховный маг не позвал, а Ваш слуга не осмелился самовольно войти, потому-то....

— На теле есть раны?

— Докладываю государю: верховный маг Сун Тэн, как обычно, безмятежно сидел, скрестив ноги, на теле никаких ран не было. — словно вспомнив, что Сун Тэн умер в крайне спокойном и необычном положении, придворный евнух задрожал и, поддерживая дрожащими руками верхнюю часть тела и не смея поднять головы, детально доложил: — Как будто... как будто, его душу забрали злые духи.

— Не может быть... — Фэн Мин потянул Жун Тяня за рукав и с лёгким беспокойством проговорил: — Каждодневное использование крови, чтобы создать талисман, слишком истощило жизненный дух, поэтому тихо...

— Как такое возможно? Сун Тэн является натренированным человеком, не исключена возможность, что временное отсутствие дыхания, это своего рода состояние совершенствования и плавки, которого он достиг. Они, невежественные люди, ничего не понимают, потому устроили переполох. — Жун Тянь взял руку юноши и крепко утешающе сжал её. Лицо медленно расслабилось, мужчина окинул всех холодным взглядом, и его взгляд остановился на спине придворного евнуха, который покрылся потом: — Нет нужды паниковать. Однако... несмотря на это, всё же нужно, воспользовавшись удобным случаем, найти ещё какие-нибудь зацепки. Дунлин!

— Ваш подчинённый здесь! — Охранник Дунлин тотчас же сделал шаг вперёд, выходя из строя следовавших солдат, лоб мужчины был покрыт холодным потом. Дунлин являлся начальником дворцового охранного отряда и отвечал за безопасность и охрану места дислокации. Если выяснится, что Сун Тэна убили, то охраннику не удастся избежать наказания.

— Возьми под стражу тех, кто вчера прислуживал Сун Тэну, а ещё тех, кто входил к нему в палатку, и каждого по отдельности допроси.

— Слушаюсь!

— Вещи в палатке Сун Тэна никому не трогать. Принесёшь найденный яд, посмотрим тогда, кто его отравил.

— Слушаюсь!

— К тому же... как следует обыщите палатку князя Мина, посмотрите: нет ли там каких-нибудь странных вещей.

— Слушаюсь!

Жун Тянь, неторопливо отдав приказы, обернулся и, улыбнувшись Фэн Мину, легко проговорил:

— Сегодня не получится покататься на лошади. Если ты послушно помоешься, а после отправишься спать, то когда проснёшься, этот император позволит тебе на протяжении всего дня делать всё, что заблагорассудится и всё, что тебе нравится.

— Всё, что заблагорассудится? — Прекрасные глаза юноши внезапно засияли.

— Угу.

— Что угодно?

— Что угодно.

Вскрикнув от радости, Фэн Мин неоднократно повторил, давая слово:

— Хорошо, хорошо, только не съешь своё слово [6].

Жун Тянь с любовью и нежностью посмотрел на юношу:

— Как может этот император съесть своё слово? Но только, когда этот император вернётся и увидит, что ты ещё не спишь, то отменит данное обещание.

— Договорились! Цю Лань, Цю Юэ, Цю Син и Цай Цин! — как сорока протрещал на одном дыхании Фэн Мин и приказал: — Возвращаемся в палатку, скорее, подготовьте бочку для купания.

— Ваши служанки исполнят приказ. — в один голос отозвались девушки, словно иволги.

Служанки, будто разноцветные облака, тотчас же окружили князя, и всей толпой спешно скрылись в палатке.

Проводив Фэн Мина взглядом, Жун Тянь тихо приказал:

— Дунлин, следуй за этим императором в палатку Сун Тэна, чтобы всё осмотреть.

— Слушаюсь. — Дунлин последовал за мужчиной и после долгих размышлений с беспокойством спросил: — Государь, а правда, что совершенствующийся и закалённый человек может принимать бездыханное состояние? То в таком случае, верховный маг Сун Тэн, вероятно, самый потрясающий наставник во всех одиннадцати государствах.

— Ты поверил в эти рассказы? Сун Тэн скорее всего убит, а этот император обязательно выяснит всю правду.

— Но князь Мин...

— Князь Мин начитался много уся-новелл [7] и потому верит в подобные причуды.

— Уся-новелл?

— Если уж этот император пока не знает, что это такое, то ты тем более.

В самой же императорской палатке Фэн Мин, выпив горячий чай, поданный Цю Юэ, спешно помылся, переоделся в мягкий и удобный шёлковый халат и сел на подложенные мягкие подушки.

— Князь Мин ещё не устал?

— Нет.

Цю Юэ высунула язык и спешно взглянула в уже пустую чайную чашку, где действительно были заварены несколько листьев сонного растения.

— Кхэ-кхэ... — Цю Лань подмигнула Цай Цин.

Служанки подожгли ещё несколько палочек успокаивающих благовоний.

— Князь Мин ещё не устал?

Бодрый Фэн Мин перевёл на девушек взгляд блестящих глаз:

— Нет.

— Но... князь Мин пообещал государю, что после мытья ляжет спать.

— Потому что... — Фэн Мин свесил голову. — Я как раз раздумывал над одним серьёзным вопросом, поэтому и не сплю.

— Раздумываете над вопросом? — служанки с любопытством уставились на юношу.

На лице князя появилось огорчение, помолчав четверть часа, он внезапно махнул головой и нестерпимо закричал:

— В мыслях Жун Тяня я глупец? Сун Тэн является моим магом, который защищает меня от несчастий и напастей и который умер, а моё необъяснимое положение стало крайне скверным. Таковую простую суть я что не в силах понять? Кто бы мог подумать, что Жун Тянь применит такую наглую и абсурдную ложь, чтобы одурачить меня! Вы тоже прямо перед моим носом плетёте козни, поджигая благовония, чтобы я задохнулся ими, да ещё в придачу, Цю Юэ, — Фэн Мин внезапно повысил голос: — Что ты подсыпала мне в чай? У него оказался неожиданно сладкий вкус. — И взгляд бездонных глаз упал на девушку.

— А? Ваша служанка... служанка... — Красавица Цю Юэ, подвергшись его допросу, который застал врасплох, испугалась и, отступив на два шага, изменилась в лице.

Цю Син, поддерживая сестру, ответила, делано улыбнувшись:

— Наш потрясающий князь Мин сегодня и впрямь догадливее, чем кто-либо. — Девушка только закатила глаза, придумывая, что бы «ляпнуть», чтобы заговорить юноше зубы, как занавеска внезапно открылась, впуская в палатку свежий воздух.

На пороге появился мрачный Жун Тянь и хрипло проговорил:

— Из дворца пришла весть — мать-императрица тяжело больна.

Примечания:

[1] Обр. в знач.: [чувствовать] сильное желание, влечение, искушение.

[2] В противоположность земным 神仙(дэшэнь) — божество, бог; ангел.

[3] В оригинале фраза звучит как «на душе тревога, плоть трепещет» обр. в знач.: не находить себе места; трепетать в предчувствии беды.

[4] В оригинале фраза звучит как «жёлчный пузырь величиною с целый ковш» обр. в знач.: великое мужество, безмерная храбрость, безграничная доблесть.

[5] Термин даосской внутренней алхимии, связанный с совершенствованием собственной природы и плавкой собственной изначальной ци.

[6] Обр. обмануть доверие, нарушить своё слово, обещание; взять свои слова обратно; отказываться от своих слов, брать назад свои слова.

[7] Приключенческий жанр китайского фэнтези с демонстрацией восточных единоборств.

<http://bllate.org/book/13377/1190129>